

БЕСТ ПРАЙС
СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего – никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла
Обратная сила. 1842 – 1919
Обратная сила. 1965 – 1982
Обратная сила. 1983 – 1997
Цена вопроса. Том 1
Цена вопроса. Том 2

Адрес официального сайта Александры Марининой
в Интернете <http://www.marinina.ru>

БЕСТ
прайс

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

БОЙ ТИГРОВ
В ДОЛИНЕ

Том 2

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация *И. Хивренко*

Маринина, Александра.

М26 Бой тигров в долине. Том 2 / Александра Маринина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-04-089420-8

Упав с балкона одного из московских домов, насмерть разбилась молодая девушка Екатерина Аверкина. Многие соседи, гулявшие в этот момент во дворе, видели, как Катю столкнула вниз ее старшая сестра Наташа. Ее сразу арестовывают. Девушка в шоке – во время трагедии она... гуляла по Москве со своим молодым человеком Ленаром! Но доказать это невозможно – свидетельские показания перечеркивают все доводы Наташи, и, кажется, ничто не в силах ей помочь. Однако делом Аверкиной-старшей заинтересовались адвокат Виталий Кирган и оперуполномоченный Антон Сташис. В ходе расследования они обнаруживают неожиданные факты, которые в конце концов приведут их к ошеломляющей разгадке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М.А., 2017
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089420-8

Надежда Игоревна Рыженко уже научилась различать звук, который издавал адвокат Кирган, когда стучал в дверь ее кабинета. Звук был каким-то особенным, не отрывистым, а мягким, словно не зрелый мужчина стоял по ту сторону, а пушистый кот. И сегодня, услышав знакомый стук, Надежда Игоревна вздрогнула. В прошлый раз она дала слабину и позволила себе мысли вслух, усомнившись в собственной профпригодности. Нельзя так себя вести в присутствии адвоката, потому что адвокат — это всегда враг или в лучшем случае противник. Она непозволительно распустилась, она страшно устала и от работы, от волнений за дочь, но самое главное — она устала от тоски по мужу. Эта тоска выжгла все у нее внутри, высосала все соки, отняла все силы. Отсюда и ошибки — и в работе, и в том, как она ведет себя с адвокатом. Надо идти в отпуск. Надо отдыхать. Надо приходиться в себя. А как это сделать?

Она решила занять жесткую позицию и ясно дать понять этому Киргану, что развалить еще одно дело ему не даст.

— Что у вас? — сухо спросила Рыженко.

— У меня очередное ходатайство, — весело сообщил адвокат. — Я прошу направить запрос нотариусу и истребовать копию завещания.

— Завещания? — Следователь не сумела скрыть удивление и на мгновение забыла о том, что должна быть холодной и непрístupной. — Какого завещания?

— Завещания, согласно которому Екатерина Аверкина получила восемь миллионов рублей.

— Зачем? Что это даст для установления истины по делу?

— Мне кажется, это даст очень многое, — заговорил Кирган серьезно и настойчиво. — Вы же не можете не видеть, что убийству предшествовали более чем странные события: наследство, полученное неизвестно от кого и неизвестно по какой причине, затем появляется подружка, которая внезапно исчезает, как только погибает наследница, да и само убийство тоже вызывает массу вопросов. Надежда Игоревна, вы же опытный следователь, вы не один десяток убийств раскрыли, ну не можете вы не видеть, что здесь что-то не так. Не верю я, что вы не видите.

— Я не понимаю, какое еще отношение к убийству имеет наследство, кроме самого прямого: из-за этих денег Аверкина убила свою сестру, столкнув ее с балкона. Деньги у нее обнаружили, то есть корыстный мотив полностью доказан. А откуда появились эти деньги — дело десятое и к доказыванию вины Аверкиной ничего не добавляет.

— А подружка? — растерянно спросил адвокат, и следователь усилием воли подавила удовлетворенную улыбку. — Как же подружка, Яна Орлова? Я ведь рассказывал вам про продавщицу, и про покупку одинаковых вещей, я вам фотографии показывал, и вы со мной соглашались...

— Тогда соглашалась, а теперь — нет. Я подумала и сделала другие выводы. Вероятно, эти выводы вас не устроят.

Она видела, как на лице Киргана заходили желваки. Вот и славно, господин адвокат, не все коту Масленица. Разумеется, она приобщила показания продащицы Кривенковой к материалам дела, и оперативники пытаются девицу по имени Яна Орлова разыскать, но отчего-то говорить об этом адвокату не хотелось. В Надежде Игоревне закипали раздражение и злость, и у нее не было ни сил, ни желания этому сопротивляться. Не станет она признавать правоту Киргана, не станет! Хотя он, конечно, прав.

— Но вы хотя бы дали задание операм разыскать эту подружку, Орлову? — продолжал тем временем Кирган, и в его голосе, ставшем каким-то скрипучим и неприятным, Надежда Игоревна уловила нарастающее напряжение.

Вот она позволила себе минуту слабости — и немедленно получила результат. Этот Кирган уже считает, что может ею руководить и требовать отчета. Совсем спятил господин адвокат! Ничего, сейчас она ему ответит, да так, что мало не покажется.

— Вы что себе позволяете, господин адвокат? — надменно проговорила она. — Вы собираетесь меня контролировать? Возьмите себя в руки. Знаете, что сказал Вишванатан Ананд? — Рыженко выдержала выразительную паузу, чтобы дать Киргану время вспомнить, кто такой Ананд, и понять, что высказывания великого шахматиста ему неизвестны. — Он сказал: «Я — чемпион мира и не обязан ничего ни с кем обсуждать». Надеюсь, вы меня правильно поняли?

— Надеюсь, что правильно. — Кирган, казалось, совсем сник. — Я сам направлю нотариусу адвокатский запрос.

— Да ради бога, — пожала плечами Рыженко, — делайте что хотите, только меня от работы не отвлекайте.

— Но когда я получу копию завещания, я буду ходатайствовать о приобщении ее к делу.

— Вы что, испугать меня решили? Подавайте ходатайство, я его рассмотрю в трехдневный срок, как положено, и направлю по почте письменный ответ.

Кирган некоторое время молча смотрел на нее, потом развернулся и направился к двери. У порога остановился и обернулся.

— Я очень надеюсь, что мне удастся вас убедить. И рекомендую обратить внимание на некую Евгению Головкину, ее имя в списке абонентов Екатерины Аверкиной. У меня есть все основания полагать, что она как-то связана с Яной Орловой. Всего вам доброго.

— И вам того же, — с усмешкой бросила Рыженко ему в спину.

Антон ненавидел себя. Он сам себе казался грязным и отвратительным. Ведь он пришел к Галине только для того, чтобы поговорить о наследстве и о Толике, ее брате, но не совладал с собой. От одного только вида ее белья у него в голове помутилось. И теперь, лежа рядом с ней в постели, он собирался с духом, чтобы после бурных утех начать серьезный разговор. Какое-то неподходящее место для этого... Надо, наверное, встать, одеться, выйти из спальни.

Но Галина вставать не собиралась, она разнежено валялась в кровати и что-то тихонько мурлыкала.

— Может, кофе выпьем? — неуверенно спросил Антон, выискивая повод заставить подругу вылезти из-под одеяла.

— Ты хочешь кофе? Лежи, я сварю и принесу сюда.

Нет, он хотел совсем не этого. С одной стороны, он хотел поговорить, с другой стороны — снова

нырнуть в водоворот ранее неведомых ощущений, ощущений человека, который одновременно наслаждается и презирает себя за это наслаждение. Никогда прежде близость с этой женщиной подобных чувств не вызывала. Но уж, во всяком случае, кофе он точно не хотел.

— Ну что ты будешь меня обслуживать, как падишаха? — делано возмутился Антон. — Давай встанем и вместе пойдем.

Галина не сопротивлялась, хотя он видел, что ей совсем не хотелось вставать. Она сварила кофе, Антон, внося свою лепту, порезал сыр.

Рассказ об убийстве Кати Аверкиной Галину не испугал, а ведь Антон так на это рассчитывал.

— Галка, тебе нужно быть осторожнее, — говорил он. — Ты видишь, к чему может привести твое наследство? Тебе нужно быть очень аккуратной, особенно с новыми знакомыми. Чернецов оставил деньги Кате — и ее убили. Неужели тебе не страшно?

— Да брось ты, — она вяло махнула рукой и откусила кусочек сыра, — кто меня убьет? Не Толик же? И потом, твою Катю убили за деньги, ты сам сказал. А у меня уже ничего не осталось, я почти всё промотала.

— Неужели всё? — ахнул Антон. — Не может быть! Там же такая сумма...

— А, — недовольно передернула плечами Галина, — много ли времени нам, бабам, надо, чтобы размотать такие бабки? Накупила черт знает чего и непонятно зачем, шкаф ломится, а радости нет. Знаешь, когда покупала все это барахло и цацки, то казалось, что вот теперь только и начнется у меня настоящая жизнь, сверкающая, радужная, ведь я теперь буду хорошо одета, буду ходить к дорогим

парикмахерам и косметологам, стану отлично выглядеть, и на меня начнут обращать внимание самые крутые мужики. А оказалось...

— А что оказалось?

— Да ну... Ну выгляжу я на все сто, ну надето на мне шмоток и украшений на бешеные деньги, ну стрижка у меня стильная, а радости нет. И почему я была уверена, что она непременно будет, радость эта?

— А мужики-то посматривают? — осведомился Антон. — Генеральная цель достигнута?

— Так в том-то и дело! — с досадой воскликнула Галина. — Посматривают, даже засматриваются. А я вдруг поняла, что мне это неинтересно. Представляешь? Столько деньжищ вбухать в то, что неинтересно и не приносит радости. Это какой же кретинкой надо быть! Лучше бы я эти деньги Толику отдала, он бы квартиру купил. А теперь он на меня обиделся, не звонит, не появляется. Я только сейчас поняла, что раньше он звонил часто и мы подолгу разговаривали. Мне казалось, что все так и должно быть и будет всегда. А теперь, когда этого нет, я вдруг поняла, как много это для меня значило.

Ему стало жаль Галку. Она все же образумилась. Но если убийство Кати Аверкиной имеет не денежную подоплеку, а какую-то другую, то опасность для Галины все еще остается.

— Я все-таки прошу, будь осмотрительной, — сказал он. — Вспомни, не появились ли у тебя новые знакомые после получения наследства?

— Нет, никто не появился. Да и где мне их заводить, этих знакомых? Я допоздна работаю, если было свободное время, то по бутикам носилась, за три месяца четыре раза за границу летала, в Милан и в Париж, роскошный шопинг себе устраивала.

Она была такой печальной и подавленной, что у Антона от жалости сжималось сердце. Уходя от Галины, он вдруг спохватился, что за последние два часа не получил ни одной эсэмэски от дочери. Ах да, Эля же с утра говорила, что записала детей на восемь вечера к стоматологу для прохождения профилактического осмотра. Черт возьми, ну что он за отец! Вместо того чтобы самому вести сына и дочь к врачу, он ложится в постель с любовницей. Да еще с такой, моральные качества которой оставляют желать много лучшего. Ему стыдно. Ему противно. Ему горько.

И что самое ужасное: он отдает себе отчет в том, что снова придет в эту квартиру и ляжет в эту постель.

Убийство произошло давно, в середине ноября, и сейчас Валентин Семенов докладывал Забродину и его помощникам о ходе следствия. Памятуя требование Владимира Григорьевича не называть никаких имен и фамилий, Валентин, рассказывая об истории двух друзей, называл одного Игроком, другого — Сыном. Так Забродину было понятнее, потому что участников игры много, про всех все помнить он не может, у него голова другим занята. Вот и приходится Семенову почти каждый раз на этих совещаниях пересказывать по новой то, что он уже десять раз говорил.

— Итак, Сын, которому нужно было поставить памятник на могиле родителей и который заказал для этого дорогой камень, убил Игрока, своего друга, который получил наследство и все промотал, но Сыну клятвенно пообещал дать денег на обустройство захоронения. Игрок, если вы помните, набрал долгов еще до того, как получил реальные деньги,

и когда вступил в права наследования, то сразу все отдал. А Сын рассчитывал на эти деньги, сделал предоплату, взяв займы. Камень пришел, с заказчика стали требовать полную оплату, тем более что камень доставили давно и художник уже сделал всю работу. Договор составлялся заранее на все, то есть на камень, на работу художника и на обустройство захоронения. Сын внес аванс, работа выполнена, а оплатить ее нечем. И взятые ранее в долг деньги отдавать тоже не из чего, а кредитор напоминает, тербит, да и проценты капают. Кладбищенская же администрация регулярно насылает на Сына бандитов, которые его запугивают и истязают угрозами. Он просил, умолял, взывал к совести, но Игрок отвечал, что ничего не может сделать, денег нет и не будет. Сын понял, что попал накрепко, выхода не видел и запил, а в порыве гнева после очередной выпивки подкараулил Игрока и нанес ему одиннадцать ножевых ранений. Игрок скончался, Сын арестован, следствие на днях закончено, дело передано в суд.

— То есть вина Сына доказана? — уточнил Забродин.

— Полностью, — кивнул Семенов.

— Ну что ж, можно производить итоговую оценку. Сколько мы давали предварительно?

Владимир Григорьевич посмотрел на Юлию Шляго, но та молчала, словно не замечала взгляда шефа. Голос подал второй помощник, Суханов.

— Если я не ошибаюсь, — он повернулся к приколотым на демонстрационных досках схемам и поискал глазами нужный график, — мы давали семьдесят пять. Хотя лично я считаю, что и этого много. Пьяный мужик в состоянии аффекта, чувствует себя обманутым, преданным, попал в тяжелую финансо-

вую ситуацию. Если все эти обстоятельства доказаны, то... — Он перевел глаза на Семенова, который кивнул, подтверждая, что все доказано. — Тогда я бы предложил скорректировать предварительную оценку и снизить баллы до шестидесяти.

— Эж хватил, — усмехнулся Забродин. — Ты свое го не упустишь, как я погляжу. Ну а ты, Юля, что скажешь? Согласна со Славой или у тебя свое мнение?

— Я, безусловно, согласна с тем, что говорит Вячеслав, обман и предательство — это очень болезненный удар, с которым не все могут достойно справиться. И согласна, что предварительную оценку можно скорректировать в сторону снижения. Однако я бы хотела, если позволите, поделиться другим соображением. — И она выжидательно посмотрела на Забродина.

Тот сделал разрешающий жест кистью руки, при этом сверкнули сапфировые запонки на манжете.

— Давай, говори.

— Если мы с вами сходимся во мнении, что обман и предательство — это сильный аргумент, то этот аргумент должен быть по достоинству и справедливости оценен в поведении Игрока. Поэтому я предложила бы повысить синие баллы в оценке убитого, который, по сути, спровоцировал Сына. Впрочем, окончательное решение, как всегда, за вами, Владимир Григорьевич. Я ни на чем не настаиваю.

Забродин довольно рассмеялся, и Семенов не понял, что ему так понравилось.

— Умно, — сказал Владимир Григорьевич. — Хвалю. Пятерка тебе, девочка. Ну, Славка, что ты на это скажешь?

Помощник, который продолжал с настойчивостью маньяка все записывать, только пожал плечами, не отрываясь от своего блокнота.

— Как скажете, Владимир Григорьевич, — проговорил он, не поднимая глаз. — Вам решать. Но лично я считаю, что поведение Игрока оценено вполне адекватно.

— Сколько мы ему в общей сложности насчитали? — спросил Забродин.

Семенов ухмыльнулся про себя. Шеф сидит совсем рядом с демонстрационными досками, ему стоит только голову повернуть, и он все графики увидит. А помощнику-писаке нужно всматриваться, потому что расстояние до плакатов получается не меньше пяти метров, номер-то президентский, комната для совещаний просторная, с длинным столом, и шеф сидит во главе, рядом с графиками, а Суханов — на противоположном конце, напротив Семенова. Графиков-то много, и не сказать чтобы они были очень крупными. В общем, ведет себя заказчик как большой барин. Ну, да ладно, не ему, Семенову, судить, у них там свои таски.

— Сорок восемь синих и двадцать три красных, — отрапортовал Суханов.

— Значит, так, повышаем синие баллы до шестидесяти восьми, — вынес вердикт Забродин. — Это будет справедливо.

— Что же получается, у убитого синих баллов больше, чем у убийцы? — возмутился Суханов. — Так не может быть!

— Очень даже может, — невозмутимо произнес Забродин. — Этот Игрок столько наворотил глупостей и гадостей, что шестьдесят восемь ему будет в самый раз. А ты, Славка, имей совесть, не торгуйся.

Семенов уловил полный ненависти взгляд, который Суханов бросил на Юлию. Ну, ясен пень, два помощника одного шефа никак хозяйскую любовь поделить не могут. Плавали, знаем.

Забродин нравился Семенову все меньше и меньше. На этих совещаниях они обсуждают человеческие судьбы и трагедии. Обсуждают даже убийства. И делают это цинично, сухо, обстоятельно, как будто товар на рынке выбирают. Ему, Валентину Семенову, повидавшему за свою службу немало трупов и убитых горем близких погибших, такой цинизм неприятен. И баллы какие-то... Спросить нельзя, а понять ничего невозможно.

Для того чтобы найти неуловимую Яну Орлову, оперативникам Роману Дзюбе и Геннадию Колосенцеву нужно было первым делом разыскать Евгению Головкину, чьей сим-картой, судя по всему, пользовалась Яна. Но это оказалось не так уж и просто. То есть сначала все пошло довольно быстро, а потом застопорилось: выяснилось, что Евгения нигде не учится, не работает, проводит время как ей вздумается и тусуется с компанией наркоманов. В частности, благодаря помощи местных милиционеров удалось выловить знакомых Жени, которые сказали, что вроде бы Женька уехала к кому-то на дачу, но к кому именно — никто не знал, и родители ее тоже этого не знали, только вздыхали и говорили, что не могут за ней уследить и она совсем от рук отбилась. Правда, вроде бы обещала вернуться в воскресенье вечером.

Пришлось тратить вечер выходного дня на очередную попытку встретиться с Головкиной. На этот раз попытка удалась: Евгения была дома. Дверь им открыла мать девушки, с которой они уже виделись, когда искали Женю. Женщина выглядела хмурой и расстроенной.

— Проходите, — буркнула она. — Женя в своей комнате. Только не знаю, станет ли она с вами разговаривать.